

Онлайн-сенсация теперь в виде книги

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

ПОЙМАТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА

НИКИТА АВЕРИН

Игры закончились. Настало время сбросить маски

Дивные новые миры

Никита Аверин

Поймать пересмешника

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аверин Н.

Поймать пересмешника / Н. Аверин — «АСТ»,
2017 — (Дивные новые миры)

ISBN 978-5-17-099484-7

«К12», город-тюрьма. Небо над ним укрыто за вечной пеленой из облаков, границы очерчены высокой Стеной, а горожане прячут лица под масками. Здесь нет полиции, на улицах хозяйничают бандитские группировки. Этот город живет по своим собственным законам. Именно сюда был сослан Максим Серов, компьютерный гений-подросток по прозвищу Пересмешник, признанный опасным для общества. Но отправившие Максима на верную смерть коррумпированные чиновники и не подозревали о том, что юноша сам стремился попасть в «К12», чтобы принять участие в Крысиных Бегах и заполучить самый ценный приз – право покинуть город-тюрьму. И что приз нужен ему не только для себя одного.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099484-7

© Аверин Н., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть первая «К12»	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Никита Аверин

Поймать пересмешника

Эта книга посвящается памяти Александра Зеброва

Часть первая «К12»

Тюрьма выгодно отличается от могилы тем, что ее двери когда-нибудь откроются.

Аль Капоне

Глава первая

Как захлопнулись ворота, все кончилось – права человеческие, гражданские права, мои права как личности – все к черту. Начался совершенно другой мир, другие взаимоотношения. Я понял, что я щепка, которой как хотят, так и крутят.

Георгий Жженов

Я никогда не думал, что все произойдет так просто. Плачущие родители, прячущие глаза одноклассники, беспристрастные присяжные.

Вердикт: ВИНОВЕН.

– Максим Серов, вы приговариваетесь к пожизненному отбыванию срока вашего приговора в тюрьме «К12». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Голографическое изображение судьи мигает и исчезает. Вслед за ним мигают и гаснут проекции двенадцати присяжных, каждый из которых сидит перед голопроектором в разных уголках планеты Земля под присмотром эмиссара полиции.

– Сынок! – последнее, что успела произнести мама, прежде чем погасли изображения её и отца. Исчезли одноклассники, наблюдавшие за вынесением приговора в актовом зале нашей школы.

– Мне очень жаль. Удачи вам, Максим. – В глазах адвоката Кравцова я отчетливо разглядел, что на самом деле ему ни капли меня не жаль. Единственное, о чем сейчас сожалел государственный защитник, так это о том, что из-за затянувшегося вынесения приговора он пропускает полуфинал международного чемпионата по чиствикусу. Но я смог подавить внутреннее раздражение и ответил ему с улыбкой:

– Благодарю вас, Семен Афанасьевич.

Проекция Кравцова погасла, и я наконец-то остался один в своей камере. Но одиночество мое длилось недолго. В коридоре раздался грохот тяжелых ботинок, дверь в камеру с мягким шелестом скользнула в сторону, и на мгновение я ослеп от яркого электрического света, хлынувшего в открытый дверной проем.

– Заключенный, на выход! Быстро, быстро, быстро!

Не дав мне опомниться, двое здоровяков в бронежилетах сковали мои руки тонкими пластиковыми наручниками и чуть ли не пинками вытолкали меня из темной камеры в коридор.

Вот так за несколько мгновений я утратил статус гражданина Республики и перешел в раздел «мусор». А мусор на то и мусор, что с ним никто не церемонится, его просто выбрасывают. Даже если этот мусор умеет мыслить, разговаривать и способен испытывать боль.

Но такие мелочи моих конвоиров не интересовали. Вряд ли они вообще хоть иногда задумывались над этической стороной своей работы по контролю за исполнением воли народа Великой Республики. И я не обижался на этих крепких парней в серой униформе, всего несколько месяцев назад я был почти таким же, как они – машиной, бездумно выполнявшей приказы и поручения. Да здравствует Великая Республика! А теперь мы оказались по разные стороны баррикад.

– Шевелись!

Один из конвоиров вновь отвесил мне увесистый подзатыльник, хотя мы и так практически бежали по коридорам Комитета Исполнения Наказаний. Два здоровых эмиссара полиции и я, Максим Серов, восемнадцатилетний юноша, подававший большие надежды, но внезапно преступивший черту закона и отправляющийся отбывать свою вину в «К12». Считалось, что если осужденного отправляют в «К12», то это сродни смертному приговору. Только хуже, гораздо хуже. Многие преступники, услышав подобный приговор, бились в истерике и пытались покончить жизнь самоубийством прямо в камере предварительного заключения. В представлении жителей Великой Республики «К12» была настоящим Адом в библейском понимании этого слова. Такая перспектива привела бы в ужас любого жителя нашей планеты, но только не меня.

Потому что я хотел попасть в этот Ад.

Когда я в сопровождении конвоиров поднялся на лифте в холл первого этажа, перед лицом замельтешила небольшой шарик, оснащенный глазом видеоискателя. Телевизионщики? Наверняка Первый республиканский канал, они мертвой хваткой вцепились в историю моего задержания и крутили репортажи с моим участием чуть ли не круглые сутки. Ещё бы! Я – событие года. И сейчас я должен понести заслуженную кару, а каждый житель Великой Республики должен узнать об этом и запомнить: если решишь пойти против системы, то система тебя уничтожит. Быстро, жестоко и без всяких сантиментов.

Действительно, на голографическом проекторе за спиной охранников у входа я увидел свою уменьшенную копию, сопровождаемую уменьшенными, но все равно внушительными на моем фоне, копиями эмиссаров в серой униформе. Негромкий голос диктора Первого канала с нескрываемой радостью вещал из динамиков:

– Сограждане! Мы видим, что полицейские уже готовят к пересылке Максима Серова. Напоминаем, что этот несовершеннолетний гражданин Великой Республики в одиночку совершил преступление, которого стоило ожидать разве что от банды закоренелых рецидивистов. Благодаря нашим Вождям само понятие «рецидивист» в нашей Республике уже не актуально...

Диктор продолжал заливаться хвалебными отзывами о достижениях современной пенитенциарной системы и огромном вкладе вождей в её успехи, а конвоиры толчками в спину гнали меня дальше, сквозь автоматические двери, ведущие на выход из Комитета Исполнения Наказаний.

Если до этого момента мне казалось что электрический свет от ламп в коридорах и залах Комитета причиняет моим глазам, привыкшим за две недели ожидания вынесения приговора к полумраку камеры, боль и раздражение, то, выйдя на улицу, я изменил свое мнение. Солнечный свет буквально ослепил, голова закружилась, и меня чуть не вырвало прямо на камеру Первого республиканского, зависшую в воздухе перед моим лицом. А жаль, эта мысль показалась забавной.

Но я смог подавить неприятный позыв и практически вслепую, направляемый лишь окриками и тычками конвоиров, побежал к ожидавшему нас флайеру.

– Залезай! Голову береги!

Предупреждение прозвучало запоздало. Думаю, что конвоир сделал это умышленно, порадовавшись, когда я с размаху треснулся головой о верхний край входного шлюза. Так

и есть, здоровяки злобно хохотнули. Как и миллионы зрителей, наблюдавших за происходящим на голопроекторах у себя дома.

Стиснув зубы, я забрался в спасительный сумрак летательного аппарата и едва ли не рухнул на жесткое пассажирское сиденье. Пока один конвоир вежливо, но настойчиво жестами выпроваживал из флайера сферу телекамеры Первого республиканского, второй освободил меня от наручников, правда, ненадолго. На смену путам на запястьях пришли широкие пластиковые ремни, похожие на ремни безопасности в обычных гражданских флайерах. Но в отличие от своих цивильных собратьев, эти спеленали мое тело, не позволяя пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Володя, полетели, – окрикнул один конвоир другого и сел в кресло напротив меня.

Короткий автомат, прежде висевший дулом вниз за спиной, перекочевал в руки конвоира и ненавязчиво нацелился в мою сторону. Признаюсь честно, в этот момент мне впервые стало по-настоящему страшно. А что, если в их планы не входит моя доставка в «К12»? И вместо этого на Первом республиканском сообщат о том, что опасный малолетний преступник погиб при попытке к бегству?..

Так это или нет, я не узнал, поскольку в этот момент второй эмиссар смог наконец-то выпроводить телекамеру и сел в кресло рядом с напарником. Щелкнув тумблером рации на стене, Володя скомандовал пилоту:

– Клиент зафиксирован, люк задраен, можем выдвигаться.

– Принято, – раздался в ответ искаженный помехами голос пилота.

Флайер вздрогнул, запуская двигатели и убирая опорные колонки. Конвоиры поудобней устроились в креслах, а я, выгнув шею чуть ли не до хруста позвонков, смотрел на удаляющуюся бетонную взлетную площадку. Всё, теперь обратной дороги нет.

Наш полет длился недолго, около получаса. Затем мы пристыковались к орбитальной станции, выполнявшей роль накопителя заключенных со всей планеты для дальнейшего распределения и транспортировки в места отбывания наказаний. Внутреннее устройство станции сразу рассмотреть не получилось. После высадки мне на голову натянули плотный матерчатый мешок, не пропускавший ни капли света. Для чего это было нужно? Чтобы преступники не смогли запомнить расположение помещений и сосчитать количество охранников, дабы не использовать в будущем эту информацию во зло? Я так не думаю. Скорее всего, полицейские перестраховывались. Наверняка они прочли в моем личном деле о том, что у меня имеются награды за победы в соревнованиях по боевому айкидо и самбо.

Ответ на свой вопрос я узнал через несколько минут, когда меня усадили на жесткий металлический стул и сняли с головы мешок. Опять яркий свет, новый приступ тошноты. Прикрывая глаза руками, я попытался осмотреться.

Меня привели в небольшое помещение, напомнимшее камеру для допросов, в которой мне довелось провести в недавнем прошлом много часов, а то и дней. Комната три на три метра. Каждая из четырех стен, а также пол и потолок зеркальные, отчего создавалось ощущение, что находишься в бесконечном коридоре из одинаковых комнат. Для неопытного человека подобная оптическая иллюзия была сродни удару мешком по голове – мысли начинали путаться, голова кружилась, и ты постоянно отвлекался, ведь стоило пошевелить рукой или ногой, миллионы двойников повторяли твое движение.

В зеркальной комнате помимо меня находился ещё один человек, сидевший за столом напротив. Худощавый мужчина с залысинами на высоком лбу и взглядом холодных серых глаз. Облачен во всю ту же униформу эмиссара полиции, с вышитыми на груди белыми перекрещенными секирами, но оружия нет, даже электрошокера, который охранники так любили использовать на мне без всякого повода.

– Вы меня слышите? – обратился ко мне сероглазый.

В ответ я кивнул, одновременно пытаюсь спрятать глаза от яркого света. Что было весьма проблематично, так как сияние исходило одновременно со всех сторон, хотя ни на потолке, ни на стенах я не заметил ни ламп, ни иных источников освещения.

– Отлично, – продолжил сероглазый. – С момента вашего прибытия на эту станцию вы автоматически теряете статус гражданина Великой Республики. Вы теряете свое имя, должность, права и обязанности. Кроме одной. – Тут сероглазый позволил себе улыбнуться. – Вы обязаны провести остаток своей жалкой и никчемной жизни в «К12».

Я ничего не ответил. За те три недели с момента задержания, что я провел в застенках Комитета Исполнения Наказаний, я наслушался немало гневных и оскорбительных высказываний в свой адрес. Все, от простых полицейских до прокурора, считали чуть ли не своим долгом окатить меня словесными помоями. А некоторые не гнушались присовокупить к этому ещё и увесистый пинок или оплеуху. Но я сдержался тогда, вытерплю и сейчас. Потому что стоило мне хоть раз ответить на провокацию, как меня могли просто забить до смерти. А я не хочу доставлять им такого удовольствия, у меня иная цель.

Сероглазый перешел к делу. Из коробки, стоявшей на полу с его стороны стола, он достал тонкий планшет и, включив его, зачитал лишенным всяких эмоций тоном:

– Заключение номер семь-один-один-один-девять-восемь-четыре, по решению народного суда Великой Республики вы направляетесь для отбытия наказания на объект закрытого типа «К12». Срок отбывания наказания – пожизненный. Без права на подачу апелляции или досрочного освобождения по амнистии. Приговор вступает в силу немедленно, – произнеся это, он пнул коробку в мою сторону. – Переодевайтесь.

Он встал, зажал планшет под мышкой и подошел к одной из стен комнаты. Тут же открылся проход, сероглазый ушел, оставив меня в одиночестве.

Несколько минут я тупо смотрел на свои бесконечные отражения. За время судебного разбирательства я изрядно осунулся, волосы торчали, словно у пугала, засаленными прядями в разные стороны. На лице синяки и ссадины, следы гостеприимства республиканской полиции. Лишь карие глаза продолжали светиться столь же ясно и яростно, как и в тот день, когда я обвалил финансовую биржу, обнулив тайные счета у большинства Вождей нашей Великой Республики.

Вновь открылся проход, и в комнату вошли двое с шевронами Комитета Исполнения Наказаний.

– Мусор, ты почему ещё не переоделся? – проворчал один из вошедших. Больше всего меня удивило, что в его голосе не сквозило ни злобы, ни раздражения. Пожалуй, он был первым полицейским, который не орал на меня, а разговаривал спокойно, как с обычным человеком. – Даю тебе одну минуту, иначе полетишь дальше голышом.

И я подчинился. Не знаю почему. То ли из-за его спокойного тона, то ли из-за бесконечной усталости, наваливавшейся на плечи, словно мешок с песком.

Я скинул кроссовки без шнурков, стянул джинсы и джемпер и с недоумением посмотрел на предложенную взамен одежду. Тюремная роба, состоявшая из футболки и штанов жизнерадостного мятного цвета, явно успела послужить не один десяток лет. Изношенная и вытертая ткань, множество не предусмотренных дизайном отверстий и разошедшиеся швы. В качестве обуви прилагалась пара матерчатых мокасин на мягкой резиновой подошве.

– А поновее ничего на складе не нашлось? – спросил я, демонстративно просунув палец в огромное отверстие под мышкой.

К тому же одежда явно была на два или три размера больше, чем нужно, а на штанах не было завязок, из-за чего они постоянно сползали и мне приходилось их подтягивать.

В ответ полицейский лишь хмыкнул.

– Поверь, парень, ты мне ещё спасибо скажешь за это старье. Потом поймешь. Пошли.

Я не стал спорить, понимая всю бесполезность такого рода занятия, и направился вслед за охранниками. Говоривший со мной шел впереди, изредка отдавая команды «направо», «налево», «прямо». На этот раз обошлись без мешка на голову. Коридор, по которому меня вели, был также сплошь покрыт зеркалами. Если бы я попытался бежать, то моментально запутался бы и заплутал в этом лабиринте.

Не знаю, сколько времени мы провели, шагая по зеркальному паттерну, но за это время я успел погрузиться в размышления.

Пока что все шло по плану. Четыре месяца назад я написал специальную программу, позволяющую взломать клиентские базы на рынке биржевых акций. Вы спросите, как обычный выпускник смог создать такую программу и получить доступ к столь серьезным данным? Все просто. Я с трех лет интересовался прогами и кодами. Должно быть, это наследственное. Моя мама двадцать лет проработала на компанию «Джайнова», поставляющую программное обеспечение самым крупным республиканским корпорациям. И первой прочитанной мною книгой был не букварь или сборник сказок, а учебник по программированию Паскаль-Виста и С-Плюс-Мега. Заполучить доступ к оборудованию с прямым выходом на биржу было совсем просто. Мой отец работал биржевым брокером, подобрать пароль к его рабочему компьютеру, состоявший из дат рождения меня и мамы, не составило никакого труда.

Дальше дело техники. Запустить вирус, найти в иоттабайтах информации данные тайных биржевых счетов нужных мне людей и перевести практически все деньги через тысячи подставных однодневных компаний в благотворительные фонды, с сопроводительной рекомендацией обналичить переводы и как можно быстрее потратить средства во благо. Мне оставалось только сидеть и ждать прихода полиции.

После чего наступал один из самых опасных моментов в моем плане. Мне приходилось уповать в большей степени на удачу, чем на точный расчет. Во-первых, полиция запросто могла обвинить не только меня, но и отца. Кто поверит, что кражу века совершил обыкновенный выпускник, а не профессиональный финансист со стажем? Но я быстро смог убедить следователей в том, что мой старик не способен написать такую сложную программу, в отличие от меня. Во-вторых, за финансовые махинации, пусть даже в столь невероятном объеме, полагалось относительно нестрогое наказание, в виде общественных работ на благо Великой Республики. Например, работа на очистных сооружениях до конца жизни.

И тут мои расчеты оказались верны. Вожди не могли официально обвинить меня в хищении их денег, так как тайные биржевые счета не зря так называются. В прессе курсировала иная, спущенная сверху версия. Согласно этой версии, я похитил деньги из пенсионных фондов медицинских работников и учителей. Несмотря на все усилия следствия, отказался их вернуть, чем нанес республиканскому бюджету заметный урон.

Как вы понимаете, после этого простой народ был только рад услышать, что мудрые правители пожизненно сослали меня в одну из самых строгих тюрем Республики без права досрочного освобождения. Свою роль сыграли мои увлечения боевыми видами спорта и стрельбой. По версии следователя, это указывало на мою скрытую агрессию и тягу к насилию. В итоге, как я рассчитывал, было принято решение сослать наглого сопляка в «К12». Как говорится: с глаз долой, из сердца вон. Им было неведомо, что именно этого я и добивался.

Глава вторая

В дороге и в тюрьме всегда рождается дружба, и ярче проявляются способности человека.

Lone de Vega

Погруженный в свои мысли, я не заметил, как мы наконец-то миновали зеркальный лабиринт и пришли в огромное помещение, где уже вовсю шла подготовка к отправке заключенных. Меня привели одним из последних и втолкнули в неровную шеренгу, состоящую из разномастной толпы осужденных. Большинство носило такие же, как и у меня робы мятого цвета, но были и те, кто был облачен в тонкие нейлоновые костюмы ярко-оранжевого цвета. Я удивился подобным нарядам, но постарался не сильно глазеть на их обладателей. Интуитивно я понимал, что стоит как можно меньше привлекать внимания к своей персоне, иначе можно нажить проблем.

Глядя на то, как все заключенные шаркают ногами и постоянно подтягивают сползающие штаны, я вспомнил, что читал о чем-то таком в Глобальной Сети, когда готовился к совершению преступления. Среди множества тюремных обычаев был и такой: чтобы заключенным было недосуг не только пытаться сбежать, но и бить друг друга, тюремное начальство выдавало им штаны на пару-тройку размеров больше. Кроме того, при заселении в тюрьму охранники первым делом отбирали у новоприбывших шнурки, подтяжки и ремни, чтобы нельзя было с их помощью покончить с собой или навредить другим. Как следствие всего этого, штаны узников сползали ниже положенного. Кстати, если верить все той же Глобальной Сети, некоторые отсидевшие, снова оказавшись на свободе, следовали привычке и продолжали носить приспущенные широкие штаны. Такой внешний вид символизировал криминальное прошлое человека и говорил: «Со мной лучше не связываться!»

– Итак, мусор, слушайте сюда! – заорал толстый охранник с красным одутловатым лицом, прохаживающийся вдоль нашего строя. – Через несколько часов вы прибудете в гостеприимный отель повышенной комфортности для такого отребья, как вы. Там получите тот уровень сервиса, который заслуживаете.

– Неужели нас ждет «ол инклюзив»? – гоготнул высокий темнокожий парень, стоявший в шеренге в паре метров слева от меня.

Толстомордый охранник не удостоил его ответом, лишь кивнул подчиненным. Двое из них сноровисто подхватили темнокожего шутника и за пару секунд стянули с него всю одежду, оставив одно исподнее. Затем втолкнули обратно в общий строй. Парень дрожал от холода и страха, но попытался возмутиться:

– Эй, какого дьявола?!

– Ещё раз откроешь пасть, дальше полетишь голый, – спокойно сказал ему толстомордый.

Темнокожий ничего на это не ответил, опустил голову задрожал ещё сильнее. Охранник обратился к остальным:

– Ещё шутники есть? Отлично. Запомните, мусор, рты без команды не открывать. Говорить можете только тогда, когда к вам обращается кто-то из сотрудников. Так что молчите и слушайте внимательно.

Выждав некоторое время, он продолжил:

– Сейчас вы построитесь в колонну по двое и загрузитесь в шатл. Он доставит вас в «К12». Полетите в криогенных камерах, путь до тюрьмы неблизкий. Постарайтесь выспаться, мусор. Возможно, это ваш последний шанс увидеть сны.

Охранники принялись выстраивать нашу шеренгу в две колонны, ускоряя процесс при помощи дубинок и электрошокеров. С воздействием последних, как мне показалось, мно-

гие из заключенных уже были знакомы, так как старались выполнять команды охранников быстро и беспрекословно. Лично мне хотелось задать один вопрос: криокамеры? Неужели «К12» располагается так далеко? Если так, то это обстоятельство принесет немало изменений в мой план. Черт, да оно буквально ломает все мои расчеты! Но сейчас не время и не место для споров. Придется прорабатывать новые схемы уже на ходу, прибыв к месту назначения.

Тем временем меня с остальными заключенными загнали по грузовому трапу в недра шаттла и распределили по криогенным камерам. Серебристые капсулы для сна были похожи на огромные стальные сигары, с одной стороны которых располагалась дверца с окном и приборной доской, усеянной всевозможными датчиками с показателями жизнедеятельности. По пути к камере я изо всех сил крутил головой, пытаюсь прочесть программные установки на панелях капсул своих попутчиков. Если я узнаю, сколько времени будет длиться полет и крейсерскую скорость шаттла, то смогу рассчитать расстояние до Земли. Но сопровождавший меня охранник, обладатель старомодных солнцезащитных очков, которые он явно носил для того, чтобы выглядеть крутым мачо, то ли заподозрил что-то неладное, то ли просто не любил, когда заключенный вертит головой без команды, и в итоге он просто достал из кобуры шокер и вонзил его мне в бок.

Перед глазами сверкнули искры, ноги подкосились, и я чуть не рухнул на пол.

– Смотреть в пол! Шевели ногами! – заорал охранник.

Я знал, что лучше не пререкаться и делать что велят. Жаль, что к капсуле меня сопровождал не тот охранник, что обращался со мной по-человечески. Однако нет смысла думать о том, как сложилась бы ситуация в том или ином случае. Я влез в эту историю самостоятельно, меня никто не заставлял. И сам найду выход, выполнив задуманное. Так или иначе, у меня все получится.

Вот и моя камера. Подгоняемый охранником, я на дрожащих после удара током ногах забрался в капсулу и замер. Мой конвоир нажал несколько клавиш на кодовом замке, запирая дверь капсулы, а затем стал набирать нужные данные на панели управления. В этот момент я возблагодарил капризную удачу, которая вновь одарила меня своей милостью, а заодно и эго охранника, побудившее его носить старомодные очки. Именно в их линзах отлично отразилась последовательность цифр, которые он вводил одну за другой на панели.

Восемь месяцев... один день... десять часов... сорок минут...

Отлично! Оставалось лишь узнать модель шаттла и его скорость, для этого требовался терминал или планшет с подключением к республиканской Глобальной Сети. Ну хоть что-то, хоть какой-то шанс, который можно использовать как точку опоры. А как говорил кто-то из древних: имея точку опоры, я могу перевернуть мир.

– Сладких снов! – насмешливо попрощался со мной охранник и вышел из камеры, захлопнув за собой решетку. Сквозь стекло я несколько минут наблюдал за тем, как охранники проводят мимо моей камеры заключенных и возвращаются обратно, уже одни. В камеру напротив красномордый охранник лично сопроводил того самого темнокожего парня, которого раздели на взлетной площадке. Втолкнув дрожащего заключенного в капсулу, толстяк закрыл её и быстро вышел из камеры. Несколько долгих мгновений потребовалось на то, чтобы понять, что именно показалось мне подозрительным.

Он просто закрыл капсулу, но не ввел данные в компьютер.

– Эй! Охрана! Охрана! – Я изо всех сил заколотил в толстое стекло смотрового окна капсулы, стараясь привлечь внимание покидавших шаттл полицейских. – Этому парню не активировали режим криосна! Охрана!

Проходившие мимо полицейские лишь бросали в мою сторону безразличные взгляды и шли дальше. А непонимающий пока, в какой смертельной опасности он оказался, темно-

кожий парень смотрел на меня и улыбался. Похоже, он решил, что меня обуял страх или ярость, и это его забавляло.

– Охрана! – не унимался я. – Помогите! Стойте, он же погибнет...

В этот момент в капсуле погас свет, и я погрузился во тьму.

После пробуждения я первым делом увидел эти светящиеся зеленые строчки:

«Поздравляем. Вы прибыли к месту назначения. Капитан и экипаж корабля желают вам приятного отдыха!»

Похоже, эти капсулы полиция закупила у пассажирской компании. Скорее всего, их списали и продали по дешевке.

От этих мыслей меня отвлек испуганный крик, столь мощный, что смог пробиться сквозь толстые стенки капсулы. Я с силой распахнул дверцу и вывалился на пол камеры. Мускулы, отвыкшие от нагрузок за время пребывания в криогенном сне, ослабли, и все тело словно пронзило стальными иглами. Теперь уже из моего горла вырвался сдавленный крик боли. Не знаю, сколько времени я провалялся вот так, дрожащий и стонущий на полу камеры, пока, наконец, не смог подняться на ноги.

У камеры напротив уже собралась небольшая толпа. И хотя я знал, что именно привлекло их внимание, все же нашел в себе силы растолкать глазевших на капсулу с темнокожим парнем заключенных. Да, зрелище было не из приятных.

Как я и думал, красномордый охранник решил жестоко отомстить парню за то, что тот дерзнул всего-навсего глупо пошутить. Судя по всему, парень умирал долго и мучительно. Смотровое стекло капсулы изнутри покрывали длинные кровавые борозды, через которые виднелось иссохшее синюшное лицо со следами разложения.

Один из стоявших рядом заключенных потянулся было открыть дверь капсулы, но я перехватил его руку и покачал головой.

– Не надо.

– Да я просто хочу посмотреть...

– Мы ему уже ничем не поможем. А за восемь месяцев там установился такой аромат, не розами запахнет.

Заключенный быстро отдернул руку. Это был рыжеволосый веснушчатый юноша примерно моего возраста, но явно выросший на задворках Республики. Об этом говорили его узкие плечи и непропорционально вытянутые руки и ноги, верные признаки жизни на планете с низкой гравитацией.

В этот момент ожили динамики в камерах и общих коридорах шаттла.

– Внимание! Всем заключенным приказано немедленно собраться в десантном отсеке. Посадка через десять минут. Внимание! Всем заключенным приказано немедленно собраться...

– Твою мать! – выругался рыжий и, ухватив длинной рукой меня за плечо, потянул из камеры. – Шевелись, умник!

– Но почему... – задать вопрос до конца я не успел.

Вся наша разномастная толпа бросилась по коридору, следуя за мигающими стрелками на стенах. И тут я впервые начал замечать нечто странное в поведении попутчиков. Некоторые из них, кто постарше и явно с опытом пребывания в республиканских тюрьмах, на ходу снимали футболки и рвали их на длинные полосы. Я удивился, но решил подумать над этим позже.

В десантный отсек мы прибыли последними, так как, пока глазели на тело бедняги, погибшего в капсуле, остальные заключенные успели набиться в относительно небольшое помещение. И то, чем они занимались, ввело меня в ступор.

Заключенные прятали лица. Кто-то, как я уже успел заметить, разорвали тюремные робы на полосы и замотали головы наподобие мумий. Обладатели нейлоновых оранжевых

костюмов не могли последовать их примеру, так как ткань их роб порвать голыми руками было невозможно. Поэтому они использовали иные методы. Трое белобрых крепышей, явно из одной компании, каким-то неведомым образом умудрились пронести на борт карнавальные маски, какие обычно носят на День дураков. Маски эти были одноразовые, в сложенном виде размером представляли собой квадрат два на два сантиметра. Осужденные прикладывали его к носу и активировали проглаживанием по часовой стрелке, после чего маска быстро увеличивалась в размерах. Таким образом, при помощи нехитрых манипуляций каждый мог подогнать ее под себя.

К белобрысой троице тут же выстроилась очередь. Я не заметил, чтобы они обменивали маски на деньги, значит, в ход шел бартер. Судя по всему, это целая система, детали которой мне пока совершенно не ясны. Ну и ладно, разберусь с этим позже.

В паре метров от меня вспыхнула небольшая потасовка. Один заключенный, мускулистый парень, чьи руки и торс были сплошь покрыты затейливыми цветными татуировками, сбросил с себя оранжевую нейлоновую робу и пытался отобрать тканевую мятного цвета футболку, уже порванную на полосы, у какого-то хилого мужичка лет шестидесяти. Белобрысы в масках, заметив это, тут же оказались рядом и принялись жестоко избивать татуированного. Когда тот затих, лежа по полу и баюкая вывернутую под неестественным углом левую кисть, белобрысы вернули полосы ткани старику.

Рыжий, по-прежнему стоявший рядом со мной, быстро и умело разрывал свою робу на полосы. Я решил последовать его примеру. Если так делают все, значит, так надо. А тратить время на попытки узнать причины столь нелепого поведения не хотелось. Интуиция подсказывала, что, если я не спрячу лицо, в будущем это принесет мне множество проблем.

– Внимание! – продолжали надрываться динамики. – Всем заключенным приказано немедленно собраться в десантном отсеке. Посадка через три минуты. Внимание! Всем...

Когда мы закончили сию нелепую процедуру, я решил, что пришла пора познакомиться с моим рыжим попутчиком поближе. Протянув ему руку, сказал:

– Спасибо за помощь, приятель. Меня зовут Максим Се...

– Ты что, больной? – вздрогнул рыжий. – Не называй мне своего настоящего имени! Вообще никому его не называй, даже охранникам.

– Эм... – опешил я, – ты серьезно? Это какая-то тюремная проверка или юмор заключенных?

– Нет, ты точно больной, – покачал замотанной головой рыжий.

– Ладно, ладно, понял, – я примирительно поднял руки. – Лицо никому не показывать, имя не называть. А как обращаться к другим?

– Прозвища, никнеймы, – перечислил мне варианты собеседник. – Меня вот Рэдом кличут.

Рыжий протянул мне руку. На секунду я задумался. Возможно, он действительно хочет мне помочь.

– А меня Пересмешником. – Я пожал ему руку, после чего ткнул пальцем в повязку на своей голове. – Скажи, для чего все прячут лица?

– Так ты новенький. – Рэд даже не спросил, а поставил мне своеобразный диагноз. – Значит, ты не в курсе, какие порядки царят в «К12»?

– Откуда мне знать? – пожал я плечами. – Вся информация об этой тюрьме засекречена, а знакомых в криминальных кругах у меня нет. Ну, по крайней мере, раньше не было. Ты первый.

– Понятно. Ну, тогда слушай, новичок...

– А-а-а-а!

Наш диалог прервал новый крик боли. Все собравшиеся в отсеке оглянулись на огромного мускулистого мужика в оранжевой нейлоновой робе, который умудрился отломать от

стены небольшой кусок обшивки, по форме напоминавший узкий клинок, и теперь полосовал им собственное лицо.

– Что этот псих делает? – Я почувствовал, как волосы у меня на затылке встают дыбом. – Он что, не додумался использовать эту железяку для того, чтобы просто нарезать свою одежду?

– А, не обращай внимания, – как-то удивительно спокойно отмахнулся Рэд. – Это боец из меченых.

Я недоуменно приподнял левую бровь и только потом сообразил, что мое лицо скрыто от собеседника полосками ткани. Но Рэд и сам все понял.

– Ты и о бандах ничего не знаешь? Ох, парень, туго же тебе здесь придется. Не знаю, как они называют себя на воле, но в «К12» их именуют мечеными. Это банда с окраин Республики. Они промышляют разбоями и грабежами, кошмарят небольшие колонии поселенцев на спутниках. Для того чтобы найти своих в «К12», меченые до неузнаваемости режут себе лица, это у них что-то вроде опознавательного знака. Понятно?

– Если честно, я ещё больше запутался, – ответил я.

Здоровяк тем временем закончил самоистезаться и теперь смотрел на окружающих сквозь кровавую маску, вызывавшую ужас.

В этот момент наш шаттл трянуло, многие заключенные рухнули на пол, и помещение наполнилось отборной руганью. Мы с Рэдом избежали подобной участи, так как стояли у стены, и нас лишь несильно приложило о неё спинами.

– Добро пожаловать в Ад! – воскликнул Рэд.

Глава третья

К каждому человеку нужен особый ключ – и, разумеется, небольшая отдельная камера.

Мечислав Шарган

– Заткнись, – раздалось в ответ со всех сторон.

Моего попутчика это ни капли не смутило. Хлопнув меня по плечу, он махнул в сторону гостеприимно распахивающегося люка.

Заключенные уныло потянулись на выход. Первыми вышла та самая троица белобрых крепышей в карнавальных масках. Я поспешно указал на них Рэду и спросил:

– А кто эти парни, знаешь?

– Где? – Рэд посмотрел в указанную мною сторону и кивнул. – Конечно знаю. Авиаторы.

– Авиаторы? – удивленно переспросил я.

– Ну да, так они себя называют. Несколько веков назад «авиаторами» называли людей, занимающихся незаконным перевозом товаров через границу, контрабандистов. Без понятия, почему так. Те времена давно прошли, а название осталось. Они продают маски и следят за тем, чтобы пассажиры не отнимали их товар или самодельные маски друг у друга. Или покупай, или делай сам, или выходи с открытым лицом.

Кстати, как я успел заметить, вся эта кутерьма с укрыванием лиц была в диковинку не только мне, но и ещё десятку заключенных. Они смотрели на происходящее вокруг с непониманием и удивлением, однако даже не додумались последовать примеру остальных и порвать свои робы.

– А что будет с теми, кто оставил лицо открытым? – задал я спутнику мучивший меня вопрос.

– Ничего не будет. Или смерть. Как повезет, в общем.

– Внимание! Всем пассажирам надлежит немедленно покинуть шаттл. Через пять минут активируется протокол очистки помещений. Внимание! Всем пассажирам надлежит немедленно...

– Пойдем, скорее! – сразу засуетился мой собеседник и потянул меня на выход.

Пассажиры группами и поодиночке спускались по трапу и ступали на бетонную посадочную площадку «К12». Я по привычке ожидал удара яркого света по глазам, но ошибся. Небо затянули низкие серые тучи, из-за которых невозможно определить, день сейчас или ночь. На площадке, помимо шаттла, техники больше не было, зато толпился народ. Странно, но я не увидел ни одного охранника или надзирателя. Люди, пришедшие встречать нас, скорее всего, были такими же, как и мы, заключенными. Различие лишь в одежде и, конечно же, в масках.

Жители «К12» носили одежду привычную обитателям дальних колоний: ботинки на толстой подошве, штаны военного покроя и кожаные куртки или дубленки с куцыми меховыми воротниками. Куртки носили не потому что холодно, температура на улице была не ниже двадцати градусов. Как позднее объяснил мне Рэд, верхнюю одежду использовали для того, чтобы скрывать оружие и носить мелкие вещи в многочисленных карманах. А вот маски отличались разнообразием: пластиковые, тканевые, деревянные, металлические, гипсовые, кожаные, изготовленные из папье-маше. Большинство были явно самодельными, но попадались и фабричные карнавальные маски наподобие тех, что предлагались авиаторами.

Интересно, подумалось мне, где обитатели тюрьмы умудрились раздобыть столько театральных, карнавальных, ритуальных и даже погребальных масок? Вон даже парочка Чумных Докторов мелькает! Неужели сделали своими руками? Вкладывают ли они в них

какой-то смысл? Вопросы, одни вопросы. И пока что ни одного ответа. Похоже, мой замысел с каждой минутой становится все более невыполнимым. Готовясь к пребыванию в «К12», я прочел всю доступную информацию об этой тюрьме, но там не было и слова о традиции носить маски. А вот Рэд и остальные заключенные об этом знали. Откуда? Надо бы его как следует расспросить.

К тому же, мой рыжий попутчик и сам был не против составить мне компанию, и стоило нам сойти с трапа, как он потянул меня за собой куда-то в сторону.

– Пересмешник, дуй за мной. Или у тебя другие планы?

– Да нет, пока никаких. Хотелось бы для начала просто оглядеться.

– Это правильно.

Тем временем встречающие шаттл обитатели тюрьмы выстроились в своеобразный коридор, по которому новоприбывшие шагали в сторону прохода в высокой стене, возведенной по периметру посадочной площадки. Среди сформировавшихся живой коридор я заметил с десятков людей, державших в руках тонкие деревянные палочки и небольшие деревянные планшеты с закрепленными на них листами желтой бумаги. На шее у каждого висела склянка, внутри которой плескалась черная жидкость. Завидев прибывших с открытыми лицами, люди с планшетами подбирались к ним поближе, макали палочки в склянки и принимались рисовать. Проходя мимо одного из них, я не удержался и заглянул тому через плечо. Как оказалось, он рисовал портреты прибывших. И делал это весьма профессионально, несколькими штрихами достигая поразительного сходства.

Люди без масок старались укрыть лица руками. До большинства из них уже дошло, что это все не просто так и оставить лицо на всеобщее обозрение грозит большими проблемами в будущем. Но один из прибывших, юноша с нагловатыми манерами уличного бандита, остановился напротив одного из художников и принялся позировать. Толпа вокруг рассмеялась.

– Придурок, – прокомментировал случившееся Рэд и потянул меня дальше.

Мы шли с внешней стороны живого коридора. Мой провожатый взял курс не к главному выходу, к которому продвигались прилетевшие на шаттле заключенные, а немного левее, где я заметил невысокую калитку.

Внезапно раздался низкий звук сирены. В толпе раздались крики, и люди бросились в разные стороны.

– Что это было?

– Похоже, кто-то не захотел выходить из шаттла. Или наоборот, попытался забраться внутрь десантного отсека, – спокойно ответил Рэд. – В любом случае это бесполезно.

– Почему?

– Сработает автоматика. Если после посадки датчики засекут на борту живые организмы, то сперва включается сирена. А на обратном пути автопилот отключит подачу кислорода во всех отсеках, так что зайцем обратно на шаттле не улететь.

Оказалось, что автоматика на шаттле действительно сработала на присутствие на борту посторонних. Авиаторы вернулись и зачем-то забрали тело погибшего при перелете темнокожего парня.

– Слушай, приятель, а откуда ты это знаешь? Про маски, про систему безопасности на шаттлах и про все остальное? – обратился я к своему спутнику, но он ответил вопросом на вопрос:

– Давай так. Расскажи, что ты сам знаешь о «К12»?

Я задумался над тем, какую часть информации я могу открыть случайному попутчику. С одной стороны, мне критически не хватало знаний об этом месте. С другой, роль наивного новичка, которым я, по сути, и являлся, позволяла мне безбоязненно признавать свое незнание местных порядков и обычаев. Была не была.

– Как я уже говорил, это мое первое и, похоже, последнее преступление, – рассказ я начал издали, – если уж меня закинули в это место. В отличие от тебя у меня нет знакомых в криминальных кругах, я не знаю названий банд и преступных группировок, за исключением тех, что упоминались в новостях на Первом республиканском канале.

– А за что тебя упрятали? – поинтересовался Рэд и поспешно добавил: – Здесь ты можешь говорить открыто, если хочешь. Впаять лишний срок тебе уже не смогут, впрочем, как и скостить текущий или помиловать. Если человека сослали в «К12», значит, он будет гнить тут до конца своих дней. Если не выиграет в Крысиных Бегах.

– Что ещё за Крысиные Бега?

Но Рэд отмахнулся.

– О них ты точно скоро узнаешь. Рассказывай дальше.

И я рассказал ему чуть скорректированную версию, продуманную заранее. О том, что хотел сорвать большой куш на рынке акций, используя созданную мною хакерскую программу и рабочий аккаунт отца. Что переоценил свои силы и почти сразу попал в лапы полиции и Комитета Исполнения Наказаний. Что по ошибке украл деньги с правительственных биржевых счетов, за что и поплатился столь суровым наказанием.

– Ясно, – ответил Рэд задумчиво, – значит, ты программист? А что ты ещё умеешь? В «К12» компьютеры не в ходу, твои знания здесь практически бесполезны. Если хочешь выжить и хорошо устроиться в этой тюрьме, то первым делом нужно примкнуть к какой-нибудь банде. А банду следует выбирать исходя из твоих возможностей. Нет, есть конечно и такие банды, как меченые, куда берут только своих. Но в остальные можно вписаться без проблем.

– Вот как, – кивнул я. Не скажу, что эта новость стала для меня неожиданностью. Насколько мне было известно из статей, что я прочел на просторах Глобальной Сети, аналогичное устройство общества практикуется почти во всех тюрьмах Великой Республики. – Вообще-то я неплохо стреляю, мой отец часто водил меня в тир и на стрельбища к своему приятелю-военному.

– О, это уже что-то! – обрадовался Рэд. – Хорошие стрелки здесь на вес золота. Но об этом поговорим позже. Что ещё ты знаешь о «К12»?

В этот момент за нашей спиной раздался грохот двигателей, и, обернувшись, мы проводили взглядами улетающий к серым облакам шаттл. Когда он исчез, унося с собой последнюю надежду на возвращение домой, я продолжил рассказ:

– Да больше практически ничего не знаю. Это же секретная тюрьма, информации о ней в Сети с крысиный коготь, – я на секунду прикрыл глаза, и перед моим мысленным взором появился текст одной из статей, что я прочел при подготовке. – «К12» – тюрьма максимально строгого режима. Месторасположение тюрьмы является государственной тайной. Количество персонала – неизвестно. Условия содержания – неизвестны. Количество заключенных – неизвестно... Ну и все в таком духе. Используется для содержания преступников, осужденных пожизненно.

– Все понятно. Короче, ничего-то ты не знаешь, Пересмешник, – сказал Рэд и распахнул передо мной калитку.

То, что я увидел за ней, на секунду лишило меня дара речи. После чего я только и смог, что тихо выругаться.

– Твою же...

«К12» оказалась совсем не тем местом, к которому я готовился. Это была не просто тюрьма, это был целый город, раскинувшийся до самого горизонта. Город, населенный убийцами, насильниками и ворами. Среди всей этой братии мне нужно было найти одного-единственного человека, ради которого я и совершил преступление, чтобы попасть сюда.

Судя по всему, выполнить задуманное практически невозможно. Шансы – один на миллион. Но куда есть хотя бы призрачная надежда на удачу, я не сдамся. Поэтому я постарался унять нервную дрожь в коленях, порадовавшись мимоходом, что Рэду не видно за полосками ткани моего испуганного выражения лица, и сделал шаг вперед.

Вид, открывшийся перед нами за калиткой, поражал необычностью. Это было похоже на смесь ночного кошмара и сюрреалистических картин. Мир «К12» совершенно не походил на тот, в котором я родился и вырос. С самого раннего возраста я привык к высотным зданиям, чистым проспектам и дворам, множеству парков и аллей, электрокарам и улыбающимся жителям Великой Республики. Конечно, мой город не походил на утопии, которые сочиняли писатели прошлого. Республиканцы не носили одинаковые одежды, не пели гимны Вождям и имели право на собственное мнение. Но на нашей планете уже давно не воевали, преступность стабильно пребывала на низком уровне, а закон нарушали в основном выходцы из приграничных колоний. И то, что я увидел здесь, погрузило меня в состояние легкого шока.

Улицы завалены зловонными кучами мусора. Между куч ловко передвигались местные жители. Как и встречавшие нас при посадке, все они носили маски и поношенную одежду в колониальном стиле. Старые многоэтажные дома представляли собой обычные трущобы, где не было даже нормального уличного освещения. На нижних этажах горели неоновые лампы и спрятанные за решетками голопроекторы. Свободного места мало, потому дома «росли» вверх, достроенные дополнительными этажами из разных материалов. На крышах тех зданий, что ещё не были застроены самодельными этажами, тоже кипела жизнь: там располагались резервуары для воды и сушилось на натянутых веревках разномастное белье. При взгляде на эти вавилонские башни у меня складывалось впечатление, что город вот-вот рухнет под тяжестью собственного веса.

На ограниченной территории продолжали строить новые многоэтажки и достраивать старые, превращая окружающее пространство в мрачный монолитный лабиринт. Дворы исчезали. Помои текли по открытым каналам, мусор выбрасывался из окон буквально на головы прохожим.

А на самом горизонте высилась синеватая от дымки циклопическая стена, опоясавшая город. Лишь несколько конструкций, предназначение которых было сложно определить с того места, где мы стояли, возвышалось над стеной с четырех сторон. Судя по всему, посадочная площадка для шаттлов находилась на холме или возвышении в центре «К12», благодаря чему новички могли сразу оценить масштаб их нового места жительства.

– Впечатляет? – усмехнулся Рэд, правильно оценивший мое молчание.

– Не то слово, – кивнул я в ответ.

Пока я изумленно смотрел на раскинувшуюся перед нами панораму города, у главных ворот посадочной площадки послышались крики и разговоры на повышенных тонах. Мы посмотрели в ту сторону и увидели, как прибывших встречало несколько групп из числа местных старожилов.

Пятерых крепышей с исполосованными до неузнаваемости лицами я быстро идентифицировал как представителей банды меченых. Они сразу выхватили из толпы здоровяка с окровавленным лицом, сунули ему в руки бутылку с каким-то явно алкогольным напитком и накинули на плечи дубленку. В ответ здоровяк молча отсалютовал им бутылкой, ополовинил её содержимое одним глотком, после чего вся компания меченых скрылась в одной из многочисленных узких подворотен. Кого-то радостно встречали представители иных, неизвестных мне пока банд, кто-то пытался под шумок слинять из образовавшейся у ворот толчеи. А вот тем, кто приобрел маски у авиаторов, просто так уйти не дали.

К троице, летевшей вместе с нами на шаттле, присоединилось полтора десятка таких же белобрсых в черных масках. Авиаторы выхватывали из толпы заключенных в узнава-

емых карнавальных масках и сгоняли их в кучу. Поймав последнего, они окружили понуривших головы заключенных плотным кольцом и, демонстративно поигрывая деревянными дубинками, погнали их вниз по улице, в противоположном от нас направлении.

– Куда это они их повели? – обратился я к своему всезнающему гиду.

– Запомни, приятель, здесь любая услуга имеет цену. За то, что эти люди согласились взять у авиаторов маски, им придется отработать у банды несколько месяцев. Повезет, если их используют в качестве продуктовых рабов, грузчиков или мусорщиков. Могут заставить делать что и похуже. Так что будь осторожен, прежде чем заключать какую-нибудь сделку.

Я кивнул, а про себя подумал, что этими словами Рэд намекает на то, что за всю ту информацию, что он мне рассказал или расскажет, придется заплатить. И какова цена вопроса? Очень интересно.

– Я тебя понял. И, пока не поздно, давай сразу решим, что ты хочешь за то, чтобы рассказать мне правду о местных порядках? Может быть, я не смогу или не захочу платить ту цену, которую ты захочешь получить.

– Да ладно тебе, Пересмешник! – Мой провожатый залился радостным смехом. – Мне, как и тебе, просто нужен нормальный спутник на первое время. Хотя я и знаю о «К12» довольно много, это не значит, что я лихой уголовник и имею здесь связи.

– И почему ты решил, что я нормальный? Вдруг я пырну тебя ножом или огрею дубинкой по голове.

– Я уверен, что ты этого не сделаешь.

– Да с чего ты так в этом уверен?

– Во-первых, – Рэд поднял указательный палец, – я слышал, как ты пытался привлечь внимание охраны к тому парню, что откинул копыта во время перелета. Вряд ли он был твоим другом, а желание помочь незнакомцу говорит о многом. Во-вторых, – он поднял средний палец, – ты сам сказал, что попал сюда за финансовые махинации. А это значит, что ты не убийца, хотя и не факт. Ну а в#третьих, – безымянный палец, – ты задаешь слишком много вопросов и явно ничего не знаешь об устройстве криминального мира. Выводы напрашиваются сами собой.

– Логично, – был вынужден признать я. – Значит, ты предлагаешь взаимовыгодный обмен? Ты мне информацию, а я прикрываю твою спину по мере своих скромных сил и возможностей?

– Именно! – хлопнул в ладоши Рэд. – Но сперва нам лучше убраться с улицы. Пойдем, в паре кварталов отсюда должно быть одно очень хорошее заведение, его контролируют лесные сестры. Банда небольшая, но на их территории безобразничать не рискнут даже отъявленные беспредельщики.

– Ну, пойдем, раз рекомендуешь, – безразлично ответил я. От событий сегодняшнего дня у меня голова шла кругом. И судя по всему, это только начало.

Глава четвертая

Конечно, тюрьма консервирует лучшие качества, с которыми человек вошел в тюрьму, но эта же тюрьма усугубляет все пороки, с которыми порочный человек вступает в тюрьму.

Валентин Пикуль

По дороге в трактир лесных сестер я понял, что мой провожатый не такой уж и всезнающий, каким пытался казаться в моих глазах. Несколько раз мы подолгу стояли на перекрестках, пару раз даже возвращались, следуя одному лишь Рэду ведомому маршруту. Я даже всерьез забеспокоился, когда Рэд надолго замер на одной из развилок, что-то чуть слышно бормоча себе под нос. И когда я уже было решился спросить его, не заблудились ли мы, он радостно вскрикнул и рысью бросился догонять долговязого мужчину в редком для здешних мест наряде: цветастой жилетке из лоскутов кожи и ткани и длинной многослойной юбке. Мужчина был босой и обрит наголо, а когда он обернулся на голос Рэда, я с удивлением обнаружил, что лицо незнакомца скрывала не привычная уже для меня маска, а грим, придававший мужчине лик белого черепа с черными провалами глаз, рта и носа. Обменявшись с незнакомцем парой фраз, Рэд почтительно поклонился и поцеловал мужчине кончик жилетки, после чего бегом вернулся ко мне.

– Почти пришли. Здесь направо, – махнул он рукой.

– Что это был за тип? – я невежливо указал пальцем в спину бритоголового.

– Жрец культа черепов. Одна из многочисленных религиозных сект, что зародились в колониях. Не суди о них по названию и стремному внешнему виду, адепты черепов весьма миролюбивы и всегда готовы помочь страждущему. Но вот обижать их не рекомендую, себе дороже. В рукопашном бою один жрец стоит десятка опытных бойцов.

Улица, а точнее проулок, по которому мы шли, мало чем отличался от сотен своих собратьев, что мы миновали по пути от посадочной площадки. Стоявшие вплотную друг к другу многоэтажные дома, мусор под ногами и зловоние, пробивающиеся даже сквозь ткань наших самодельных масок. Местные жители провожали нас настороженными оценивающими взглядами. Судя по всему, наш внешний вид с головой выдавал в нас новичков. Поэтому я несказанно обрадовался, когда Рэд открыл ничем не примечательную дверь и объявил:

– Пришли.

Внутри заведение лесных сестер напоминало забегаловку или притон, подобные которым я видел в документальных голофильмах в Сети и по Первому республиканскому каналу: пластиковые столы и стулья, исписанные примитивными граффити стены, и густой запах десятков немытых тел. Вдоль одной из стен тянулась барная стойка, за которой хозяйничали несколько женщин, лица скрывались за масками, выполненными из меховых лоскутов. Посетители тут собрались из уже привычных для моего взгляда мужчин в дубленках, но были и выделяющиеся из общей толпы экземпляры. За стойкой на высоких барных стульях сидели трое парней, по телосложению схожие с моим спутником, долговязые и с длинными конечностями. В качестве масок они использовали шлемы для игры в чиствикс, украшенные эмблемами с изображением взрывающейся ракеты.

Сперва мне показалось, что Рэд направился именно к этой троице. Но подойдя к стойке, он лишь бросил на них беглый взгляд, после чего заговорил с одной из барменш. Она покивала в ответ, указала ему в дальний от входа угол заведения и вернулась к своему занятию, а именно, протирацию столешницы грязноватым полотенцем. Рэд оглянулся, махнул мне рукой и пошел в указанном барменшей направлении. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Нашей целью оказался небольшой дисплей с панелью управления, вмонтированный прямо в стену. Рядом с клавиатурой располагалась дверца небольшого запертого шкафа.

– Смотри, – Рэд ткнул пальцем в дисплей, – это основа жизни для любого обитателя «К12». Тюрьма полностью автоматизирована и внутри периметра ты не встретишь ни охранников, ни персонала, только заключенных, как ты и я. И хотя здесь не действуют никакие законы и мы официально числимся «мусором», вожди Великой Республики о нас не забывают. Раз в месяц каждому заключенному полагается небольшой рацион: концентрированные продукты, фильтры для воды, витамины и какая-то ещё химия, которая не даст умереть с голоду.

Рэд приложил руку к дисплею, и по экрану пробежал луч, сканируя отпечатки пальцев. Рэд продолжил:

– Датчики реагируют на тепло. Это сделано для того, чтобы какой-нибудь предприимчивый гражданин не отрубил тебе руку и не присвоил себе твой паёк.

Я тут же сложил два и два, благо догадаться было не сложно.

– Так значит, авиаторы заставят тех бедняг из шаттла отдавать им свою еду?

– Именно, – подтвердил мои догадки Рэд, открыв разблокировавшуюся дверцу шкафа и извлекая из неё коробку с продуктами. – А самих продуктовых рабов будут кормить объедками. Как я тебе и говорил, в «К12» лучше не залезать в долги. Твоя очередь.

Признаюсь честно, в этот момент у меня мелькнула мысль, что, стоит мне получить свой набор, как одна из лесных сестер, работающая в сговоре с Рэдом, двинет мне чем-нибудь тяжелым по голове. И что остатки своих дней я проведу, сидя в подвале под баром, питаюсь помоями и отдавая причитающиеся мне пайки хозяевам. Но, к счастью, ничего такого не произошло.

– Кстати. – Пока я возился с дверцей, Рэд продолжил вводить меня в курс дела о местных порядках. – Если ты заболеешь, то достаточно найти вот такой пункт выдачи и приложить руку. Компьютер обработает данные, поставит диагноз и выдаст лекарства. Правда, в случае тяжелых заболеваний или если возникнет необходимость хирургического вмешательства, он тебе не поможет. Тут нужно искать местных докторов.

Забрав свои коробки, мы вернулись к барной стойке, где Рэд вновь обратился к бармену:

– Мы готовы к обмену.

– Хорошо, проходите, – кивнула она, откидывая в сторону часть столешницы и пропуская нас в небольшое помещение позади стойки. Там располагался магазин, точнее, даже лавочка, в которой заправляла ещё одна из лесных сестер. Маска её больше всего напоминала мордочку лисы или песца – я, признаюсь честно, слабо разбираюсь в зоологии. Девушка представилась как Дашики.

– Чего желаете, мальчики? – спросила она деловым тоном, демонстрируя нам относительно небогатый ассортимент магазинчика. – У нас есть верхняя одежда, обувь и, конечно, нормальные маски, а не это рваньё, что сейчас на ваших милых головках. Есть даже нижнее бельё, но сразу предупреждаю, цена на него бодрит не хуже укуса астероидной блохи.

– С бельём пока обождём, я думаю, – рассмеялся в ответ мой спутник и сразу же принялся торговаться. Мы решили следовать модным тенденциям и выбрали для себя все те же кожаные дубленки. Обувь, штаны, футболки и свитера тоже выбирали недолго. Да и наряды не поражали многообразием фасонов и расцветок. Вся одежда военного образца, выдержана в основном в трех цветах: коричневом, сером и темно-зеленом. Дольше всего мы выбирали маски. Кстати, владелица магазинчика тактично отвернулась.

Рэд откопал среди залежей понравившуюся и мне красную маску в виде головы дракона, выполненную в восточном стиле. Да, похоже, моего рыжего спутника просто тянет на

все красное. Я же выбирал гораздо дольше, отмечая как однотипные и простенькие, так и вычурные и легко запоминающиеся.

– Ну, ты долго там ещё? – заворчал мой спутник как раз в тот момент, когда я наткнулся на то, что искал. Бафф, бесшовная бандана-труба с изображением черепа. Именно такую маску носил мой аватар в мире виртуальной реальности, на которую я потратил в детстве многие месяцы. Детство прошло, как и увлечение виртуальными играми. А вот воспоминания о любимом аватаре остались. Как и его прозвище – Пересмешник.

– Всё, я готов.

Рэд лишь хмыкнул, явно не одобряя мой выбор.

– Зря оставляешь половину лица открытой. Накинь хоть капюшон.

Я решил, что в его словах есть смысл, и последовал совету попутчика. После чего мы расплатились с Дашики, оставив ей практически две трети своих припасов. Остатки пайка переложили в многочисленные карманы дубленок.

Следующие траты не заставили себя долго ждать. Выйдя в зал, Рэд тут же заказал для нас по тарелке каши с грибами и кружке местного аналога пива. На этот раз расплачиваться пришлось не таблетками и тюбиками с концентрированными продуктами, а витаминами. В своем мысленном списке дел на будущее я записал новый пункт – озаботиться запасом еды и местных аналогов денежных единиц.

Пока мы искали свободный столик, я принялся к содержимому своей тарелки и спросил у напарника:

– Рэд, ты случайно не в курсе, из чего местные приготовили эту кашу и пиво?

– В курсе. Это латуя, неприхотливое местное растение. На первый взгляд сорняк сорняком, подобные ему почти в каждой колонии растут. Много света и влаги не требует, растет даже на тонком слое почвы. Но в условиях скудных возможностей местного аграрного хозяйства латуя просто спасение. Стебли и корни можно варить, жарить, парить. По вкусу они как соевое мясо. А из зерен латуи варят каши. Ну и пиво, само собой.

Я осторожно принялся и сделал небольшой глоток из своей кружки. Вкус у напитка был странный, но в принципе пить было не противно. К тому же чувствовался алкоголь, но вряд ли крепость напитка составляла больше пяти-шести градусов.

– Как это называется?

– Фарси, – ответил Рэд, затем добавил, – гадость конечно, но по мозгам дает хорошо.

Заняв столик в дальнем углу, подальше от остальных посетителей, мы первым делом с жадностью набросились на еду. Поэтому следующие двадцать минут мы лишь работали палочками для еды и челюстями, поглощая содержимое тарелок. Когда же физический голод был утолен, настало время утолить голод информационный.

– Ну а теперь твоя очередь рассказывать, – я строго посмотрел в глаза Рэду, давая понять, что отнекиваться и уваливать у него больше не получится. Он издал протяжный вздох и наконец-то выдал интересующие меня сведения.

– Не знаю, в курсе ты или нет, но изначально «К12» создавали не как тюрьму, а как одну из колоний Великой Республики. На возведение города были потрачены немалые ресурсы, но в какой-то момент финансирование прекратилось. На долгие годы об этом месте забыли, законсервировав оборудование и оставив город-призрак практически без присмотра. Но вот однажды у Вождей Республики возникла проблема – куда девать самых отъявленных преступников? Содержать их в обычных тюрьмах накладно, ведь речь шла об осужденных на пожизненные сроки. А смертная казнь у нас давно запрещена. И тут кто-то вспомнил о заброшенном поселении на краю Республики. Вот и стали сюда потихоньку свозить всякий сброд.

– Подожди-подожди, – прервал я, – что же, здесь совсем нет рабочих и охранников?

– Почему же, есть. Но все они сидят на Стене, окружающей город. Забраться на неё не получится, высота почти в сотню метров. Сделать подкоп под ней тоже не вариант, «К12»

стоит на скальных породах, потому как изначально тут предполагалось добывать в шахтах драгоценные камни и минералы.

Насчет этого у меня были кое-какие сомнения, но, естественно, делиться ими с Рэдом я пока не стал, а лишь кивнул, поощряя его продолжать рассказ.

– Итак, обслуживающий персонал сидит на Стене, получая все необходимое на точно таких же шаттлах, что доставили нас с тобой на эту проклятую землю. Персонал, или застенники, так их называют обитатели «К12», не вмешиваются в жизнь соседей. Они лишь следят за оборудованием. Ну и проводят Крысиные Бега.

– Кстати, ты обещал рассказать про эти забеги, – напомнил я.

– Не забеги, а Бега, – поправил меня Рэд. – Вот именно из-за этих бегов мы и прячем лица под масками.

Если верить рассказу Рэда, существовала одна возможность совершенно законно и официально покинуть «К12». Мало того, счастливчик вдобавок получал полную амнистию от Комитета Исполнения Наказаний и мог смело вернуться в ряды граждан Великой Республики.

– Раз в год, но всегда в разные даты, в «К12» проводятся Крысиные Бега. – Рэд словно рассказывал мне сказку или легенду, активно жестикулируя. Похоже, таким образом он невольно пытался компенсировать отсутствие мимики, явно тяготея к определенному позерству и театральности. – В этот день, в полночь, на всех уличных голопроекторах, на дисплеях пунктов выдачи пайков и прочих экранах демонстрируются лица трех счастливчиков. Кто эти трое – методом случайного выбора определяет компьютер застенников. И с этого момента у счастливчиков есть двадцать четыре часа, чтобы оказаться у городских ворот.

– Это те странные конструкции на Стене, что я видел с холма посадочной площадки? – автоматически уточнил я.

– Да, они. Ты слушай, не перебивай. Как только счастливчик выходит за ворота, ему даруется амнистия и билет на ближайший шаттл в любую колонию Великой Республики.

Я озадаченно посмотрел на собеседника.

– Ну а при чем здесь маски?

– А, все не так просто, как кажется на первый взгляд, – ответил Рэд. – Было бы странно, если бы тюремная охрана не привнесла в эту игру элемент жестокости. Дело в том, что пройти через ворота и получить приз могут не только эти трое счастливчиков. Точнее, оказаться за Стеной должна их голова. И совершенно не обязательно, чтобы она была на плечах своего хозяина.

– В смысле? – оторопел я.

– Да чего ты такой непонятливый? Достаточно отрубить голову одному из трех выбранных компьютером заключенных, пройти с ней через ворота, и тогда ты, а не он, полетишь домой.

– Выходит, что на эту троицу начнет охотиться все население «К12»?

– Именно. Поэтому все жители и прячут свои лица, стараясь скрывать свою личность от остальных на тот случай, если в один из дней компьютер выберет именно его.

Вот теперь кусочки мозаики в моей голове стали складываться в единую картину. Действительно, если постоянно ходить с открытым лицом, то при попадании в список трех кандидатов на амнистию, по твою голову придут сотни, если не тысячи обитателей тюрьмы. Практически каждому из местных хочется отправиться домой с очищенным личным делом и восстановлением из статуса Мусор в статус Гражданин Великой Республики. А то, что для этого нужно совершить еще одно преступление, пусть даже убийство, вряд ли их остановит. Многие попали сюда именно за подобные преступления.

– Да, дела-а-а... – задумчиво протянул я.

Но если все, что говорит Рэд правда, если в «К12» действительно проводятся такие жестокие игры, а участников определяет компьютер, то это дает мне шанс. Тот самый, что послужит точкой опоры для переворота этого мира с ног на голову.

– Ладно, с Крысиными Бегами теперь более-менее ясно. Но меня мучает другой вопрос. Откуда ты знаешь все эти подробности? Ты же сам говорил, что не состоишь в бандах.

– Все это я узнал как раз благодаря этим самым Крысиным Бегам, – ответил Рэд, откидываясь на спинку пластикового стула, отчего тот противно скрипнул. – Мой дядя выиграл их много лет назад. Тогда ему было чуть больше, чем мне теперь, и его отправили в «К12» за убийство бригадира горняков на шахте, где работал и дядя, и мой отец. Я не знаю точно, что дядя не поделил с бригадиром, сам он говорил, что все получилось случайно, и он не хотел сталкивать своего босса в гезенк¹. В общем, дело ясное, что дело темное. А у покойного бригадира осталось немало разгневанных родственников. И однажды ночью они пришли к дому дяди свершить справедливость. Слово за слово, началась пальба. Когда прилетел шериф, мой дядя успел уложить четверых родственников своего бывшего бригадира. Ну и как ты сам понимаешь – замять такое дело, ещё и в небольшой колонии, уже не удалось. Комитет Исполнения Наказаний и присяжные сослали дядю сюда. Если не веришь, можешь убедиться, что я говорю правду.

Рэд кивнул в сторону дисплея на стене.

– Эта штука работает еще и как информационная база. Там должен быть список победителей Крысиных Бегов. Моего дядю здесь знали под кличкой Сучок, но там указывают реальные имена, так что надо искать Алексея Сучкова. Сходи, проверь.

¹ Гезенк (*нем.* Gesenk) – подземная вертикальная или крутая наклонная горная выработка, проходимая по падению рудного тела (сверху вниз), не имеющая непосредственного выхода на поверхность.

Глава пятая

Каких бы утопических взглядов на человеческое счастье и добродетель ни придерживались основатели новых колоний, они неизменно сталкивались с необходимостью прежде всего отвести один участок девственной почвы под кладбище, а другой – под тюрьму.

Натаниэль Готорн

Я действительно встал и активировал дисплей. И не потому, что не верил словам спутника, а потому, что мне было интересно взглянуть, кому удалось одержать победу в этом нелегком соревновании. Заодно и оценить программное обеспечение местных компьютеров. И если у них есть доступ к базам данных, значит, они завязаны в единую сеть. А это было бы уже что-то.

Пробежавшись по клавишам, я зашел в меню базы данных и открыл статистику Крысиных Бегов. К моему удивлению, в списке значились не только мужчины, но и женщины.

...Михаил Рябов

Роман Васькин

Евгений Сафонов

Антон Кириленко

Кристина Прищепова

Роман Зыков

Александр Атряскин

Юлия Горшенина

Алексей Сучков...

– Есть такой, – я сел обратно за наш столик. – И что, ты надеешься повторить успех дяди?

– Хотелось бы, но шанс один на миллион. Даже если программа выберет меня, нужно очень постараться, чтобы донести голову на своих плечах, а не в руках какого-нибудь маньяка. Дядя рассказывал, что банды в эти дни объединяются и отлавливают несчастных счастливых для своих главарей. Самое сложное, по его словам, умудриться прорваться к воротам, так как там устраивают настоящие блокады. По мнению местного контингента, лучше уж никто не получит свободу, чем она достанется какому-то выскочке и баловню судьбы.

– Сурово. И как же твоему дяде удалось прорваться сквозь эту толпу?

– А вот эту информацию, друг мой Пересмешник, я пока приберегу. Не в обиду, но мало ли, мне самому пригодится.

– Понимаю, без обид, – ответил я. Такие сведения действительно дорого стоят. Другой момент, что информацию об этом я мог узнать и из иных источников. Так что спешить не будем. Сейчас мне следует решить более актуальные вопросы. Конечно, мне ещё хотелось узнать, за что сюда угодил сам Рэд, но насколько я уже знал своего спутника, информацию о себе он тщательно скрывал и от прямых ответов на вопросы всячески уходил. Если в ближайшее время наши с ним пути не разойдутся, то я попробую разговорить его и на этот счет. – Ладно, с играми на выживание все понятно, причина твоей осведомленности тоже прояснилась. Как и обещал, за информацию я честно отработаю, помогая тебе обустроиться в этом гостеприимном городке.

– Это хорошо! Предлагаю за это выпить! – Рэд поднялся и направился за очередной порцией пива.

– Слушай, узнай заодно, можно ли у них тут где-нибудь переночевать и желательно недорого? – крикнул я вслед. – А то спать охота, сил нет.

Рэд кивнул, полностью поддерживая меня в стремлении дать отдых утомленному телу. И пока он договаривался о выпивке и ночлеге, я вновь подошел к дисплею на стене и активировал меню местной базы данных.

Имя: *Алёна Монро*

Результаты: *совпадений не найдено*

Выпив ещё по одной кружке пива, мы с Рэдом, ведомые одной из лесных сестер, поднялись по шаткой лестнице и зашли в одну из многочисленных комнат на втором этаже. Комната запиралась на простенький электрический замок и убранством не поражала. Две койки с жесткими матрасами и подушками, бонсай на подоконнике забранного решеткой окна и допотопный вентилятор под потолком.

Когда дверь за лесной сестрой закрылась, Рэд выглянул в окно.

– Не пятизвездочный отель, но жить можно, – после чего закрыл автоматические жалюзи и снял маску. Я тут же последовал его примеру.

– Ну и каков наш дальнейший план? – спросил я, усаживаясь на свою кровать.

– Если верить рассказам дядюшки Сучка, то мы можем попробовать устроиться под крыло одной из адекватных банд. Выбор небольшой. Рудокопы и жестянщики. Те же лесные сестры входят в состав более крупной и сильной организации, которой руководит некий Леший. Опять же, черепа – неплохие ребята, верховодит у них Пастырь.

– Как я уже понял, здесь все сбиваются в стаи и в одиночку прожить невозможно?

– Почему же? Можно жить гордым и независимым одиноким волком, только продлится это недолго. Тебя или убьют, или сделают продовольственным рабом, или отправят участвовать в боях насмерть.

– И что ты предлагаешь?

Рэд улыбнулся, с явным наслаждением почесал нос и только потом ответил:

– Предлагаю сперва попробовать примкнуть к банде рудокопов. У моего дяди должна была остаться среди них парочка знакомых. Затем найдем для тебя ствол, раз уж кроме стрельбы ты ничего полезного пока не умеешь. Ну а там посмотрим по обстоятельствам. Нормально?

– Вроде да, возражений не имею, – кивнул я, и скинув ботинки, с наслаждением вытянулся на кровати. – Свет!

Повинуясь голосовой команде, лампы в комнате погасли. И несмотря на то что этажом ниже ещё всю гремела музыка и раздавались пьяные выкрики посетителей, я моментально уснул. Но прежде чем провалиться в объятия Морфея, я добавил в мысленный список дел узнать, за что же мой попутчик угодил в «К12». И смогу ли я использовать его в осуществлении своего замысла.

Ну, а пока спать-спать-спа...

Когда я проснулся, Рэда в комнате не было. Я заглянул в небольшую ванную комнату, размерами не превышавшую платяной шкаф. Ни ванной, ни даже душевой кабины там не оказалось. Лишь унитаз, над которым висел шланг с лейкой. Так что утреннее омовение приходилось сочетать с другими естественными потребностями.

Приведя себя в относительный порядок, я оделся, в последний момент вспомнив о том, что следует натянуть на лицо маску, после чего отправился на поиски напарника.

Рэда я нашел внизу, за барной стойкой, где он поглощал кашу и запивал чем-то похожим по цвету на крепкий чай или кофе. При этом ему приходилось проявлять недюжинную сноровку, пропихивая палочки с кашей в специальное отверстие в маске напротив рта. С напитком было проще, его он пил через соломинку. Параллельно он о чем-то разговаривал с одной из сестер.

– Доброе утро! – поприветствовал он меня и указал рукой на соседний высокий стул. – Завтракать будешь?

– А что у нас на завтрак? – ответил я вопросом на вопрос, присаживаясь рядом, и подозрительно покосился на тарелку с серой субстанцией. Ответила барменша:

– Латуевая каша и гахва.

– Гахва? – озадаченно переспросил я.

– Напиток из обжаренных семян латуи, – жизнерадостно ответил Рэд и с явным наслаждением втянул через трубочку очередную порцию. – Вполне символично, что мусор Республики пьет отходы!

– Да не слушай ты этого балабола, – фыркнула под маской барменша, выставляя на стойку передо мной кружку, палочки для еды и тарелку с кашей. – Изначально кофе готовили из кожуры кофейных ягод. И по вкусу эта штука ничем не уступает лучшим сортам.

– Конечно-конечно, кто же спорит, – рассмеялся Рэд, – особенно, если я правильно помню, ценился кофе, прошедший обработку в кишечнике обезьяны.

– Не обезьяны, а зверька из семейства виверровых, – авторитетно заявила барменша.

– Ой, да какая разница? Я бы все равно это пить не стал, – отмахнулся Рэд и вновь принялся за еду.

– А откуда вы все это знаете? – поинтересовался я у собеседницы.

– Ты новичок? – дождавшись от меня осторожного утвердительного кивка, лесная сестра продолжила: – Тогда на первый раз прощаю. Вообще-то здесь не принято допытываться у первого встречного о том, чем тот занимался на воле. Но у меня секретов нет. Прежде чем оказаться в этой дыре, я работала баристой на космической станции «Горизонт».

– Спасибо, – поблагодарил я, – и за информацию, и за завтрак.

– Не за что. Кушайте, мальчики.

Барменша удалилась в другой конец зала, и я наконец-то смог спокойно задрать на лоб маску и поесть. Рэд, успевший к тому моменту умять свою порцию, задумчиво потягивал гахву через трубочку и изучал рисунок на стене за барной стойкой. Проследив за его взглядом, я понял, что на стене изображена какая-то схема.

– Что это? Карта города?

– Угадал, – кивнул Рэд.

Я присмотрелся внимательнее – «К12» был изображен довольно условно – как хаотичное нагромождение домов, обнесенных высокой крепостной стеной, в которой я насчитал целых пять ворот. Но вот улиц и их названий на карте я не заметил, хотя неизвестный художник разделил городские кварталы на пять неровных частей.

Потратив на изучение карты ещё несколько минут, я все же решил обратиться за разъяснениями к барменше.

– А вы случайно не знаете, по какому принципу на этой схеме поделены городские районы?

Лесная сестра хмыкнула, но все же объяснила:

– На юге самые большие территории находятся под контролем банды Призрака. В этих землях вы легко найдете еду, развлечения, оружие и неприятности на свою голову. Справа от них находятся авиаторы, а с левой стороны люди Призрака соседствуют с вышибалами.

– Про авиаторов я уже слышал. А кто такие вышибалы?

– В «К12» эта банда заведует массовыми развлечениями. Если в районе у Призрака находятся игорные заведения, то вышибалы построили Арену, где проводят турниры по роллерболу, чиствиксу, моторболу, джаггеру, пирамиде, блернсболу и всему в таком духе. Этим бизнесом и управляют вышибалы.

– Понятно. Поделили сферы влияния, так сказать.

– Ага, – кивнула барменша, – правильно мыслишь. На севере управляет союз из нескольких банд – желянчики, вольные стрелки, рудокопы и наши лесные сестры.

– А за главного у вас всех некий Леший! – вспомнил я вчерашний разговор с Рэдом.

- Если ты и сам все знаешь, зачем спрашиваешь и тратишь мое время понапрасну?
- Простите, не хотел вас обидеть. Собственно, только этот факт мне и был известен.

Рассказывайте дальше, пожалуйста.

– Да рассказывать особо больше и нечего. Контроль над последним из оставшихся районов поделили две банды с религиозным уклоном, сантерийцы и черепа. Конечно, карта довольно условная. Пространство между этими пятью анклавами держат множество мелких шаек. Но их власть редко распространяется на территорию больше одной улицы или даже нескольких домов. Со временем и они вольются в крупные кланы или исчезнут, как это прежде происходило с другими маленькими группировками.

– Я вот ещё что хотел спросить, – вспомнил я. – Совершенно не понятно, почему банды не контролируют точки раздачи наборов для выживания? Это же бесценный ресурс. Почему не заставят живущих на их территории людей делиться, платить оброк. А так получается, что любой может отовариться и удрать с добытым.

– Почему же, такое практикуют все банды, – ответила лесная сестра. – Но при этом они следят за тем, чтобы тех, кто платит им налог, не обижали.

– Спасибо вам за краткий экскурс, – искренне поблагодарил я и обратился к Рэду: – Ну что, идем искать твоих рудокопов? Судя по всему, они как раз должны ошиваться в этом районе.

– В этом районе, правильно, – кивнул в ответ напарник, – но попасть к ним не так-то просто. Пока ты дрых наверху, я навел кое-какие справки. Оказывается, рудокопы относительно недавно перебрались в катакомбы, на нижние уровни «К12».

От удивления я даже присвистнул.

– Вот это поворот! И как же нам их найти? Лично мне не импонирует мысль провести ближайшие годы в подземных норах, бродя по колено в канализационных стоках и отбиваясь от гигантских крыс или кто там обычно водится в катакомбах.

– Полностью разделяю твой скепсис, – отозвался Рэд, прыгивая с барного стула. – Но для того чтобы получить хорошее место на территории Лешего, нам в любом случае сперва придется найти приятелей моего дяди среди рудокопов. Так что делать нечего, отправляемся на их поиски. Тем более что эта прекрасная лесная сестра подсказала мне ближайший спуск в катакомбы.

Горестно вздохнув, я покинул гостеприимный бар и вышел вслед за напарником на улицу. Между делом я прихватил с собой одну из палочек для еды. Тонкая пластиковая спица могла пригодиться. Надеюсь, сестры на меня не обидятся.

Город-тюрьма уже не спал. Или ещё не спал, из-за низких серых облаков и отсутствия света на небе невозможно было понять, день сейчас или ночь. Людей на улицах было немного. Тусклые неоновые вывески многочисленных магазинчиков и лавок натужно гудели и мигали, а их хозяева стояли в дверях и провожали нас оценивающими взглядами.

– Вообще, этот район считается самым безопасным в «К12». Леший старается сохранять нейтралитет в отношениях с другими бандами. К тому же этому способствует тот факт, что это почти центр города и здесь находится посадочная площадка для шаттлов. Поэтому банды как-то негласно решили, что им необходимо место для заключения сделок или решения спорных ситуаций, где они будут спокойны и уверены в том, что им не перережут глотки. Но, подозреваю, что стопроцентной гарантии того, что подобное не произойдет, никто не даст.

Следующие несколько часов мы провели, блуждая по закоулкам этой нейтральной территории. Я не тратил времени даром и присматривался к попадавшимся навстречу людям. Мужчин было явно больше, а детей за всё это время я видел всего пару раз. Ребятишки не бегали по улицам, а выглядывали из окон или распахнутых дверей местных лавочек. А вот масок они не носили. Интересно, почему?

– Рэд, – окликнул я напарника, – а почему дети с открытыми лицами?

– А чего им бояться? – его голос из-под маски звучал очень глухо, я только сейчас обратил на это внимание. – В Крысиных Бегах они не участвуют, в тюремной базе данных не числятся. Официально эти дети вообще не существуют.

– Подожди-подожди, – заинтересовался я этим вопросом, – а как же они тогда тут живут? Получается, что им не получить еду и лекарство? Тогда чем они питаются? И что власти намерены делать, когда количество таких вот неучтенных людей в «К12» превысит число официальных заключенных?

– А на этот случай хозяева «К12» придумали так называемую систему добровольного сотрудничества. Если ты родился и вырос в тюрьме, то через любой дисплей можешь устроиться на работу. Кто-то же должен собирать и вывозить к мусоро-сжигателям тонны мусора с городских улиц. Прочищать канализацию, строить дома или надстраивать новые этажи, чинить электрические коммуникации и прочее. Люди из персонала «К12» из-за Стены и носа не высунут. Вот они и пришли к компромиссу с аборигенами.

– Ясно, – задумчиво кивнул я. Похоже, местная система противовесов между застенниками и жителями тюрьмы за многие десятилетия, а может даже и века, приблизилась к хоть и извращенной, но все же вполне рабочей модели. Но, как и в любой системе, в ней должны быть слабые места. И как в любом обществе, всегда найдутся недовольные. И найти их – одна из моих первоочередных задач.

По пути нам попадались не только бойцы различных банд, но и вполне мирные на первый взгляд горожане. Конечно, меня до сих пор смущало наличие масок на лицах каждого встречного, но постепенно я привыкал. Смесь кожи, камуфляжа, перекроенных тюремных роб создавала некий общий городской стиль в одежде. Вот целое семейство в простеньких хлопковых штанах и рубашках, чьи головы укрыты плетеными широкополыми шляпами, разгружает ручную тележку, на которой вповалку лежит несколько холщовых мешков. Закидывая мешки на спину, мужчины исчезали в дверном проеме и сноровисто взбегали по лестнице.

Глядя на их суету, я кое о чем вспомнил.

– Рэд, а зачем авиаторы утащили из шаттла труп того парня, что откинул копыта во время полета? – поинтересовался я у напарника.

– Скорее всего, внутри него была контрабанда.

– Контрабанда? – удивился я.

– Ну да, – спокойно ответил Рэд. – Перед отправкой сюда некоторые заключенные глотают небольшие рентгенопрозрачные контейнеры. Провозят в основном наркотики.

– Подожди, а охранники не следят за этим делом?

– Что ты! – рассмеялся он в ответ. – Следят. И получают свою долю.

– Понятно, – кивнул я, – просто я все понять не мог, для чего им понадобился мертвец. Не съест же, за восемь месяцев тело давно разложиться успело.

– Нет, что ты, – отмахнулся Рэд, – каннибализм в «К12» давно уже никто не практикует.

– А что, было и такое? – вот от этих слов мне стало по-настоящему жутко.

– Ходят слухи, но не думаю, что это правда. Хотя... – задумчиво протянул Рэд. – Дядюшка Сучок рассказывал, что он, в свою очередь, слышал от местных сторожилов о том, что много лет назад в «К12» были перебои с доставкой продуктов от застенников, и среди банд начались войны за еду. И что кое-кто под шумок полакомился человеческим мясом.

– Гадость какая.

– Гадость, – согласился напарник.

В его предположении была логика, но от этого мне ещё больше становилось не по себе. Каждый раз, когда я только начинал видеть хоть какие-то зачатки цивилизации и гуманизма в этом городе, они оборачивались ко мне обратной, аморальной стороной.

Конечно, я и не думал делиться своими мыслями с Рэдом. Несмотря на то что без него мне пришлось бы туго, я оказался совершенно не подготовлен к местным реалиям жизни.

Глава шестая

Тюрьма – плохое место. Я был там неделю, пока нас не отпустили на Рождество, и это было ужасно. Ты заперт, ты не можешь выйти. Плохая еда и нечем заняться. Ты смотришь в окно на людей и машины, и все выглядят такими свободными. Маленькие вещи, вроде прогуляться по улице или вдоволь выспаться, становятся недоступными. Человек должен быть серьёзным в своих намерениях, чтобы пережить всё это на протяжении пяти лет, я – именно такой человек.

Мохаммед Али

Чем ближе мы подбирались к границам владений Лешего, тем грязнее и мрачнее становились улицы. Здесь же я впервые увидел людей с оружием. Конечно, в основном нам навстречу попадались люди с притороченными к поясам самодельными ножнами с ножами и даже короткими мечами или длинными мачете. Другим популярным оружием являлись всевозможные дубинки. Для изготовления последних местные умельцы пускали в ход любые подходящие материалы. Я увидел и пруты арматуры, и деревяшки, зачастую усиленные торчащими из них во все стороны гвоздями, и пластиковые дубинки, и отломанные ножки столов и стульев.

Да, похоже, в этом районе народ действительно опасался за свою жизнь или, наоборот, искал, кого бы с этой самой жизнью разлучить.

Больше всего меня поразила троица в серых одеждах, неожиданно вырвавшаяся из ничем не примечательной подворотни и буквально столкнувшись с нами нос к носу.

Некогда их блузы и брюки были белыми, но сейчас их покрывал серый налет пыли. Маски у этой троицы были изготовлены из плотной ткани, с двумя черными параллельными полосами, опускающимися от середины лба примерно до того места, где под тканью прятался рот. И мне не требовалось пояснений от Рэда, чтобы сразу понять: нам повстречались бойцы одной из местных банд. Но вот что привлекло мое внимание, так это их необычное оружие.

Рукоятка как у пистолета, массивные курок и спуск, длинное ложе, невероятно толстый магазин и четыре стальные перекладки с закрепленными на их кончиках стальными лесками. Поверх брючных ремней у всех троих бойцов висели широкие кожаные ремни, выполнявшие роль *патронташа*. Только вместо патронов из многочисленных кармашков тускло поблескивали стальные колышки.

Не произнеся ни слова, Рэд почтительно склонил голову и сделал шаг в сторону, освобождая дорогу. Я последовал его примеру, встав рядом с ним, но при этом мысленно собрался и приготовился к драке. Не знаю почему, но от этой троицы исходила угроза, заставившая меня непроизвольно сжать кулаки.

Бандиты невозмутимо прошли мимо нас, и только после этого Рэд выдохнул с явным облегчением. Похоже, люди в белом испугали не только меня.

– Видел эти штуки у них в руках?

– Ага, оценил.

– Это стрелометы, изобретение местных умельцев. Порохового, а уж тем более лазерного оружия здесь не найти. Это одно из немногочисленных ограничений. Потому что с помощью автомата или бластера любой желающий подстрелит ребят на Стене. А вот простейшие луки, арбалеты, рогатки или пращи делать не возбраняется. Но с этими допотопными устройствами тут мало кого встретишь. Стреломет же вещь дорогая, но полезная. По сути, это гибрид пистолета или ружья с арбалетом. Продырявят тебя из такой штуки, мало не покажется.

Это я уже понял, стальные колышки говорили сами за себя.

– Как думаешь, получится и нам раздобыть такую игрушку? – спросил я Рэда, провожая завистливым взглядом уходящую тройцу.

– Надеюсь, – протянул он в ответ, – только для этого придется пару лет отдавать наши с тобой пайки. Или оказать кому-то очень большую услугу.

Перспектива провести несколько лет, питаясь обедками, меня не прельщала. Так что будем надеяться, нам удастся заполучить стреломет вторым способом. Благо в теории я мог предложить в обмен то, что заинтересует почти любого в этом городе.

Погруженный в свои мысли, я не заметил, как мы оказались в каком-то ну уж очень мрачном и вонючем закоулке. Покрутив головой, обнаружил, что источником зловония служит вход в канализационную шахту.

– Только не говори, что нам туда, – умоляющим тоном воззвал я к напарнику, но тот лишь злорадно рассмеялся в ответ.

– Не думал я, что ты, Пересмешник, уж настолько избалованный городской житель. Поверь, у нас на ферме амбре посильнее бывает. Особенно в хлеву во время сезона дождей.

На эту реплику я ничего не ответил, но мысленно отметил, что мой новый приятель вырос в сельской местности. Если прибавить сюда его рассказы о дальней колонии на границе Республике, дяде шахтере и специфичное строение скелета, то остается не так уж и много вариантов, какое название носит его родная планета или спутник.

Натянув свой бафф практически до самых глаз, я постарался глубоко не вдыхать, боясь что меня элементарно стошнит от этой вони. А мне не хотелось предстать перед возможными будущими покровителями в столь неприглядном виде.

Дышать под землей оказалось гораздо легче, чем на поверхности. Удушливое зловонное облако выдувало из тоннеля вентиляторами, висевшими вдоль коридора с высокими сводчатыми потолками. Признаться, я даже немного ошалел от столь эпичных размеров подземных коммуникаций. Судя по крутившему головой в разные стороны Рэду, он был озадачен не меньше меня.

– Вот это размах! – воскликнул я. – Это местные так постарались?

– Не думаю, – покачал головой напарник, – скорее всего, это наследство с тех времен, когда тут возводили колонию для поселенцев. Похоже, что шахтеры и рудокопы, сосланные в «К12», заботятся об этих туннелях гораздо лучше, чем горожане наверху о своих домах.

– Тогда мне становится понятно, зачем вентиляция здесь устроена таким образом, чтобы гнать вонючие испарения наружу. Отпугивают чужаков.

– Скорее всего, ты прав, – ответил Рэд, и заметив кого-то в туннеле, шепнул, понизив голос: – А вот и хозяйева подземелий пожаловали.

К нам навстречу спешила небольшая делегация из трех человек. Правда сперва я испугался, приняв их не за людей, а за огромных крыс. Причиной для этого стали их маски, выполненные в виде голов тех самых грызунов, и выглядели они весьма натурально.

Собственно, название встретившей нас банды угадать было не сложно – крысы. Главным в этой тройке был некий Асмус, жилистый и коренастый мужичок неопределенного возраста. Пол его спутников, а точнее спутниц, я определил без труда. Выразительные округлые формы груди и бедер приковывали взгляд любого мужчины.

– Доброго времени суток! – Как объяснял мне Рэд, в «К12» была принята именно такая форма приветствия. Ибо определить, ночь сейчас или день, из-за постоянных облаков на небе действительно было не так-то просто. Что уж говорить про жизнь в катакомбах.

Впрочем, местные умельцы додумались до изготовления песочных, водяных и даже простых механических часов. А узнать точное время благодаря новостным выпускам, которые крутили по установленным на улицах голопроекторам, проблем уже не составляло. Кстати, надо будет изучить и этот вопрос более детально. Точное время – вещь полезная.

Мои размышления прервал Рэд, быстро сложивший пальцы в замысловатый знак – скрестил указательные и безымянные домиком и оттопырил мизинцы и большие в разные стороны.

К моему удивлению, крысюки, как я стал называть про себя этих подземных обитателей катакомб, взволнованно зашущукались, после чего Асмус раскинул руки и обнял моего напарника.

– Приятно встретить земляка реднека! – воскликнул старший крысюк, хлопая Рэда по спине с такой силой, что тот аж поперхнулся.

– Взаимно, – как можно приветливее отозвался мой напарник, после чего повернулся и указал на меня. – Это мой друг, он со мной.

Это заявление у крысюков вызвало уже не столь бурные восторги, как таинственные масонские знаки пальцами. Но всё же они не стали спорить и после небольшой заминки Асмус похлопал по спине и меня. Перешел к деловой части разговора.

– Чем же мы можем помочь земляку и его спутнику?

– Мы были бы вам премного благодарны, если бы вы проводили нас на территорию рудокопов, – ответил Рэд. В чем самая большая проблема во всеобщем ношении масок, так это в том, что ты не видишь реакцию на слова на лице собеседника. Остается только догадываться: улыбается он, сохраняет спокойствие или болезненно морщится. Я не профессиональный паралингвист, но мне все же хотелось бы полноценной коммуникации с окружающими.

– Конечно, – ответил Асмус, – мы с радостью проводим вас к нашим общим друзьям.

После чего девушки-крысючки подхватили нас с Рэдом под локти и потянули вслед за собой. По дороге Рэд отвечал на бесконечные расспросы Асмуса о новостях с воли. Больше всего крысюка интересовали новости политики, экономическая ситуация в приграничных колониях и сводки с полей сражений с бандами и космическими пиратами. Я прислушивался к разговору вполуха, отмечая, что мой напарник довольно слабо осведомлен в данных вопросах. Ну, это нормально. Странно было ожидать иного от простого паренька из захолустья.

– Как тебя зовут? – обратился я к своей спутнице, стараясь при этом особо не засматриваться на её соблазнительные формы. Признаюсь честно, смотреть на её маску я тоже не хотел. С детства не люблю грызунов, особенно их хвосты. Хорошо, что члены банды крыс не привязывают себе нечто такое на копчик, бррр.

– Соня, – ответила спутница игривым тоном.

– Совсем как в сказке у Кэрролла?

– У кого? – удивленно переспросила девушка, и я понял, что мои познания в старинной литературе вряд ли будут пользоваться бешеным успехом среди местной публики. Поэтому я поспешил увести разговор на общие и приземленные темы.

– Да не важно. Скажи лучше, Соня, как давно у вас проходили последние Крысиные Бега? – спросил и только потом понял, что в данном случае вопрос мог показаться немного двусмысленным. Но обошлось.

– Точно сказать не могу. Может быть семь или восемь месяцев назад. У нас под землей время течет по-особенному.

– Понимаю, – кивнул я. – А ты видела кого-нибудь из тех, кого выбрал компьютер?

– Нет. – Она замотала головой с такой силой, что я даже на секунду испугался, что эта громоздкая конструкция сползет на бок или вовсе слетит на пол. – В этот день Асмус запретил нам с девочками даже нос совать на поверхность. Когда проходят Крысиные Бега, все словно с ума сходят. Большинство запирается по домам и старается просто отсидеться в безопасности. Остальные же отправляются на охоту.

– А что, разве так опасно просто оказаться на улице?

– Конечно! – воскликнула Соня. – Если попадешься на глаза охотникам, они заставят тебя снять маску.

– Ну а если я откажусь показывать им свое лицо? – спросил я, несмотря на то что ответ был мне заранее известен.

– Тогда тебя убьют и все равно снимут маску. Люди в этот день натурально звереют. Многие ради победы готовы перерезать глотку даже своим близким. – И тут я заметил, что Соню натурально трясет мелкой дрожью. Похоже, воспоминания о Бегах для девушки не самые приятные. Я осторожно погладил её по плечу и сказал:

– Не бойся, мы с Рэдом не дадим тебя в обиду. Обещаю.

Я по-прежнему не мог увидеть выражения ее лица, но почему-то мне подумалось, что под серой меховой маской его озарила мягкая доверчивая улыбка. Мне очень хотелось в это верить.

– Дурачок, – сказала она в ответ, но я почувствовал, что девушка больше не дрожит, а в голосе её вновь зазвучали игривые нотки.

Тем временем коридор постепенно уходил все глубже и глубже в недра земли. Дышать становилось все труднее, крутившиеся над головой вентиляторы сменились вентиляционными шахтами, откуда шел теплый воздух с поверхности. В какой-то момент я уже начал беспокоиться, но напрасно.

– Сюда, – позвал нас Асмус, распахнув незаметную стальную дверцу, за которой мы увидели ещё один коридор, но гораздо меньших размеров. Его освещали редкие лампы дневного света, чье гудение в царившей под землей тишине было похоже на рокот разъяренного пчелиного улья.

Я вспомнил свои опасения нарваться на гигантских крыс и хотел уже было задать вопрос на сей счет нашим проводникам, но вовремя опомнился и не стал открывать рот понапрасну. Мало ли, обидятся. Мы легко найдем дорогу обратно на поверхность, по пути сюда не плутали, а шли по ровному как стрела коридору, но всё же рисковать не стоит.

– Тихо!

Асмус вскинул правую руку, приказав всем остановиться. Мы в недоумении смотрели на внезапно занервничавшего проводящего, пока наконец не услышали какой-то посторонний шум. Его сложно было разобрать за гудением ламп, но через несколько секунд звук заметно усилился, и я понял, что его источник движется по направлению к нашей компании.

– Что это? – шепотом спросил я у Сони.

– Полоз, – на этот раз в голосе девушки преобладали нотки паники и ужаса. – Змеиный царь...

Следующие несколько минут прошли в томительном ожидании. Теперь уже все мы слышали протяжный мерный скрежет, больше всего похожий на то, что кто-то тащил по полу огромную металлическую бочку. Асмус напряженно прислушивался и вдруг совершенно неожиданно скомандовал:

– Бегом! За мной!

После чего бросился обратно, в сторону большого коридора. Следом за Асмусом резво понесся Рэд, затем я, а замыкали процессию девушки. Краем глаза я успел заметить, что в руках у крысочек блестели длинные широкие ножи. Где они их прятали? Скорее всего, за голенищами высоких сапог, больше нигде.

– Да шевелитесь вы, если не хотите стать червячным пометом! – бранился Асмус, успевший к этому моменту выскочить в большой коридор и призывно машущий нам рукой. Когда последняя девушка, не Соня, вторая, чье имя я пока не знал, покинула узкий коридор, крысук с грохотом захлопнул дверь и оглянулся.

– Все целы? Тогда чего zenки вылупили, унесите отсюда свои тощие задницы!

– А как же ты? – воскликнула Соня. – Мы не бросим тебя одного...

– Я кому сказал – проваливайте! – взревел в ответ Асмус. Мы с Рэдом переглянулись. С одной стороны, бросать проводника наедине с таинственной тварью не хотелось. Но и закончить свой жизненный путь вот так нелепо в желудке какого-то там Полоза тоже не вариант.

– Асмус, не глупи, – обратился я к подпиравшему спиной дверь крысюку, – судя по звуку, эта тварь огромная, она тебя съест и не подавится. Последуй своему же совету, уноси ноги вместе с нами, пока не поздно.

Не знаю, какие мысли в этот момент метались в голове у провожатого, но в итоге он грязно и витиевато выругался, отпрыгнул от двери, и схватив девушек за руки, скомандовал:

– Ищите нору!

Мы с Рэдом не поняли, что он имел в виду, но для крысочек все было ясно. Спрятав ножи обратно за голенище (я был прав!), они опустились на четвереньки и бросились обследовать стены коридора. Соня направилась вдоль правой стены, её напарница – вдоль левой.

– Асмус, – вновь обратился я к крысюку, – что делать нам?

– Не мешаться под ногами, – злобно проворчал тот в ответ, – и постараться не попасть на ужин к этой чертовой твари.

А тварь, тем временем, была уже совсем близко. Металлический скрежет противно резал слух, а по полу шла заметная вибрация. Да что же это за зверь такой?

И тут случилось то единственное, что могло сделать сложившуюся ситуацию ещё хуже. Погас свет. Я, Рэд и крысюки дружно вскрикнули от испуга.

– Что случилось? – голос напарника звучал откуда-то слева.

– Похоже, Полоз повредил электрические коммуникации. Или прогрыз кабель, или ещё что-нибудь в этом духе, – ответил Асмус из-за моей спины.

Мне же не оставалось ничего иного, кроме как замереть на месте, сесть на корточки и расставить руки в стороны, чтобы кто-нибудь из моих спутников не налетел на меня в этой темноте.

– Есть! – послышался откуда-то радостный голос Сони. – Я нашла нору!

– Отлично, стой там! – ответил ей Асмус, после чего обратился к нам: – Пулар, беги к ней. Эй, парни, где вы там? Подайте голос!

Мы отозвались. Привычный к передвижениям в абсолютной темноте крысюк быстро отыскал нас, выстроил в цепочку, заставив положить друг другу руки на плечи.

– Следуйте за мной и не отпускайте руки. Если кто-то из вас отстанет, возвращаться за ним не стану.

Глава седьмая

Один из многих уроков, которые преподает нам тюрьма, заключается в той простой истине, что порядок вещей таков, каков он есть, и всё, чему суждено свершиться, свершается.

Оскар Уайльд

Спорить и задавать вопросы мы не стали. Признаюсь честно, меня била крупная дрожь и хотелось только одного – убраться из этого проклятого коридора как можно дальше. Издаваемый Полозом скрежет буквально загремел за хлипкой дверью бокового коридора, отчего мои поджилки затряслись ещё сильнее, а в ногах появилась противная слабость. Только бы дойти до норы, только бы выбраться отсюда...

Нора соответствовала своему названию на все сто процентов. Круглое отверстие с неровными краями, диаметром около полуметра. Воздух в ней был затхлый, но все же дышать им было можно. Первыми в узкий лаз скользнули Соня и Пулар, за ними мы с Рэдом, а замыкал процессию Асмус. Я не знаю, как долго мы позли по этой земляной кишке, но и половины этого времени мне бы хватило на то, чтобы заработать клаустрофобию с никтофобией в качестве бонуса. Поэтому я изо всех сил шевелил локтями и коленями, продвигаясь вперед, периодически утыкаясь кулаками и головой в ползущего передо мной Рэда. А где-то там, позади нас, раздался звук вышибаемой и падающей на пол двери, а затем мы услышали громогласный рёв и скрежет змеиноного царя.

– Быстрее, если вам ещё жить не надоело! – подгонял нас Асмус.

Наконец-то забрезжил слабый круг света. Мы по очереди вываливались из норы – выход из неё располагался в полуметре от пола. Коридор, в котором мы оказались, был практически копией того, где сейчас бушевал Полоз. Только здесь горел свет и работали мощные вытяжки, что лично меня несказанно обрадовало.

Асмус наполовину выбрался из норы и оглядел нашу потрепанную компанию. Все мы успели изрядно перепачкаться в грязи и сырой земле, маски на крысюках помялись, отчего вид у них стал весьма жалкий.

– Ну что, детишки, испугались? – голос Асмуса срывался на хрип, но звучал бодро. – Ладно, можете расслабиться, здесь он нас не достанет...

Крысюк не успел договорить. Нечто, похожее на покрытый крупной черной чешуей хлыст, обвилось вокруг шеи Асмуса, отчего он захрипел. Вслед за первым хлыстом из темноты лаза выскользнул второй, обвивший на этот раз крысиную маску. Мгновение, и искусственная голова смялась. Под маской я успел разглядеть немолодое, ничем не примечательное лицо мужчины лет к пятидесяти, с длинными космами седых волос.

– Нет! – хором крикнули мы и бросились на помощь Асмусу. Но было слишком поздно, даже несмотря на то, что крысюк успел ухватиться руками за края норы и из последних сил пытался сопротивляться. Раздался громкий хруст, на этот раз черный хлыст сломал не маску, а шею Асмуса. Хватка мужчины сразу обмякла, и его тело вмиг исчезло в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.